

Лев Гумилев, Б. И. Кузнецов

Опыт разбора тибетской пиктографии

Труды по истории Тибета

Лев Гумилев

Опыт разбора тибетской пиктографии

«ФТМ»

1972

Гумилев Л. Н.

Опыт разбора тибетской пиктографии / Л. Н. Гумилев — «ФТМ»,
1972 — (Труды по истории Тибета)

ISBN 978-5-457-22393-6

«Ни одна из религиозных систем мира не имеет столь развитой иконографии, как буддизм. Количество и разнообразие изображений, подлежащих почитанию, в буддизме (ламаизме) кажется на первый взгляд беспредельным, но при пристальном изучении обнаруживается, что разнообразие заключено в строгую систему, а трактовка сюжетов подчинена не менее строгому канону».

ISBN 978-5-457-22393-6

© Гумилев Л. Н., 1972
© ФТМ, 1972

Содержание

Происхождение культа Ямантаки	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Л.Н. Гумилёв, Б.И. Кузнецов

Опыт разбора тибетской пиктографии

Ни одна из религиозных систем мира не имеет столь развитой иконографии, как буддизм. Количество и разнообразие изображений, подлежащих почитанию, в буддизме (ламаизме) кажется на первый взгляд беспредельным, но при пристальном изучении обнаруживается, что разнообразие заключено в строгую систему, а трактовка сюжетов подчинена не менее строгому канону.

Но наряду с каноническими сюжетами существуют локальные варианты икон, тесно связанные с местом написания, эпохой и личностью автора иконы. При наличии большого количества вариантов в поле зрения исследователя иконографический материал может быть использован как археологический источник. Так как большое количество вариантов характерно для буддийской иконографии, то, работая в этом направлении, мы вправе ожидать значительных результатов, важных для уяснения темных вопросов истории Срединной Азии. Но мало этого: канонический сюжет создавался в конкретных условиях, он имел связь с фактом исторической действительности, и в этом аспекте нам не менее важны мифы, отраженные в изображениях. Наконец, наличие столь большого количества икон наводит на мысль, что здесь отнюдь не просто любовь к живописи. Так как нам известно, что живопись при отсутствии грамотности является мощным средством агитации, то необходимо учесть ее направление и постараться понять, как реагировал тибетец VIII века на предлагаемые ему картины, ибо эта реакция и была целью буддийского монаха-художника.¹ При выборе объекта изучения необходима крайняя осмотрительность, так как маловыразительный образ трудно истолковать без привлечения аналогий, каких не может быть при первом шаге. Исходя из этих соображений, мы остановили свое внимание на фигурах Ямантаки (букв. «убивающий смерть») и Ямы («владыка смерти, хозяин ада»), прекрасные изображения которых имеются в Музее этнографии АН СССР и Государственном музее этнографии народов СССР. Оба эти божества весьма почитались ламаистами Монголии и Тибета и, будучи тесно связаны между собой, представляют интерес для исследования в указанном аспекте.

В основе образов Ямы и Ямантаки лежит миф. Некогда был отшельник, очень святой, жил он в пещере и там предавался созерцанию, чтобы через 50 лет войти в нирвану. Однажды ночью сорок девятого года одиннадцатого месяца двадцать девятого дня два разбойника вошли в пещеру с украденным быком, которого они тут же убили, отрезав ему голову. Увидев аскета, они решили убить и его как свидетеля совершенного ими преступления. Он молил их сохранить ему жизнь, уверяя, что через короткое время он войдет в нирвану, а если они убьют его, то он потеряет 50 лет совершенствования. Но они не поверили и отрубили ему голову. Тогда его тело приняло страшные формы Ямы, царя ада, и он, взяв бычью голову, посадил ее себе на плечи. Затем он убил обоих разбойников и выпил их кровь из их же черепов. В своей ярости, ненасытно алкая жертв, он угрожал обезлюдить весь Тибет. Тибетцы взмолились владыке знания бодхисатве Манджушри, прося защитить их от ужасного врага.

¹ В западноевропейской литературе по буддизму мы не найдем ответов на поставленные вопросы. Работы Грюнведеля и Гетти трактуют вопросы буддийской мифологии оторвано от истории народов, переживших влияние буддизма, а значительная работа Стейна ограничивается в основном личностью Гэсэра. Поэтому поставленная задача может быть решена лишь путем постепенного осмысления одного образа за другим. (См.: Grunwedel A. La Mythologie du Bouddhisme au Tibet et en Mongolie. Paris-Leipzig, 1900; Getty A. The Gods of Northern Buddhism. Oxford, 1914; Stein R.A. Recherches sur l'épopée et le hard au Tibet. P., 1959.)

Манджушри, приняв устрашающие формы, в жестокой борьбе победил Яму и загнал его под землю, в ад. Гневная ипостась Манджушри и есть Ямантака.²

² См: Getty A., с. 136. Этот миф, безусловно тибетского происхождения, ничего общего не имеет с индийским, брахманским мифом, согласно которому Яма есть перерождение царя Вайшали, чрезвычайно воинственного и жестокого, который умирая, пожелает стать царем ада, дабы продолжать свою деятельность; желание его исполнилось. (См. Getty A., с. 135; см. также: Гумилев Л. Легенда и действительность в древней истории Тибета // Вестник истории мировой культуры. М., 1960 N 3, с. 103–114.) Помимо сюжета, сама трактовка ада диаметрально противоположна. Индийский Яма зол по природе и мучит попадающих к нему людей. Тибетский Яма – жертва окружающей среды, толкнувшей его под землю; его гибель, последующая злоба и поражение есть результат причинности, царствующей в сансаре. Яма, находясь в аду и терзая грешников, мучится сам, и даже работа, выполняемая им, в общем, полезна, так как грешники в мучениях искупают свои грехи и могут впоследствии достигнуть нирваны. Поэтому Яма входит в число «защитников закона» (дхармапала) и почитается наравне со своим победителем – Ямантакой-Манджушри. Необходимо учесть, что распространенное мнение о том, что «гневные божества» буддизма суть языческие боги, принятые в буддийский пантеон, правильно только отчасти. Некоторые дхармапалы и божества-покровители (идамы), может быть, и таковы, но не все, ибо сам буддизм в своем развитии претерпел значительную трансформацию, и, отбросив историю проникновения и укрепления буддийской общины в Тибете, мы обречем себя на непонимание и тибетского ламаизма, и тибетской истории, и тибетской живописи. Сам термин «дхармапала» в Индии применялся как составная часть титула раджей, симпатизировавших буддизму, и означал «защитник веры». В этом значении он употреблялся в Северной Индии и в Бирме. (см.: Rhys-Davids T.W. Dharmapala. Encyclopedia of Religion and Ethics. Vol. IV, 1911, p. 701.) В Тибете этот термин получил иное содержание: дхармапалами там назывались сверхчеловеческие существа, часто ипостаси бодхисатв, гневные и устрашающие. Но, несмотря на этот облик, они пользуются почитанием, так как страшны только для грешников и врагов веры.

Ямантака – гневное воплощение бодхисатвы Манджушри

Дхармапала в чине бодхисатвы, семиликий, двадцатирукий, попирает врагов веры. Наверху – Будда Алмазнопрестольный. По бокам – божества, определить которые затруднительно, за исключением Мавджушри. Внизу – Лхамо, Ваджрапани и Яма.

Происхождение культа Ямантаки

Зародившийся в Индии буддизм воспринял брахманское учение о метемпсихозе (переселении душ). Это учение стало впоследствии одной из основ буддийского миропонимания; Тибет получил эту концепцию в готовом виде и охотно ее воспринял. Каждому лестно иметь знаменитых предков, но куда приятнее узнать, что сам был некогда царем или божеством, а в условиях острой политической борьбы такое «происхождение» бывает в ряде случаев просто необходимо. Царь, принявший буддизм, назывался индийцами дхармапала, то есть защитник веры, но в Индии цари не становились предметом поклонения, тогда как в Тибете признание божественности царя стало политическим актом, признаком лояльности. Тибетский царь Сронцангампо (613–650) был объявлен воплощением бодхисатвы милосердия Авалокитешвары; предпоследний царь Тибета Ралпачан (817–839) считался перевоплощением бодхисатвы Ваджрапани, а его прадед, знаменитый Тисрондэцан (754–797), восстановитель тибетского буддизма, – перевоплощением бодхисатвы мудрости и учености Манджушри.³ При вступлении на престол Тисрондэцан отделался от своего министра Мажана, ретивого поборника религии бон, закопав его живым в землю.⁴ Поступку царя было необходимо дать удовлетворительное объяснение, и тогда-то явилась, очевидно, тибетская легенда о Яме и Ямантаке, приведенная выше. Она отвечала и требованиям момента, и идейным установкам буддизма и даже обеляла память о погубленном вельможе, фактически обращенном в «царя бездны».

Предлагаемое толкование легенды и связанного с ней образа находит ряд подтверждений, исключаящих, по-видимому, все иные предположения. Сначала наметим предельные даты: в Древней Индии не было образа Ямантаки и самого культа его.⁵ Впоследствии тибетский Ямантака отождествлялся индуистами с Шивой, однако шиванзм, как составная часть индуизма, оформился лишь в результате деятельности Кумариллы, то есть после VIII века. Итак, VII–VIII века – предельная нижняя дата. В XI веке образ Ямантаки зафиксирован в Непале,⁶ а это указывает на то, что предельная верхняя дата его возникновения – X век, то есть еще до восстановления буддизма в Тибете Атишей. На тибетское происхождение Ямантаки указывает и текст легенды, где прямо сказано, что отшельник, превращенный в бесалюдоеда, грозил опустошить Тибет,⁷ то есть эта легенда отнюдь не переводная и, значит, могла возникнуть лишь в эпоху Тибетской империи. Далеко не все тибетские цари покровительствовали буддизму, но и из них лишь Тисрондэцан считался воинственным воплощением Манджушри, каковым является также Ямантака; следовательно, все прочие цари отпадают. Единственный серьезный соперник Тисрондэцана Мажан был, подобно Яме, не убит, а ввергнут под землю живым за безобразия, производимые им на земле. Легенда удивительно точно повторяет исторические события.⁸

³ Grunwedel A., p. 136.

⁴ Гумилев Л.Н. Величие и падение Древнего Тибета // Страны и народы Востока, вып. VIII. М., 1969, с. 173.

⁵ Bertholet A. und Lehmann E. Lehrbuch der Religionsgeschichte, Tübingen, 1924, § 9. В сутре «Мудрец и дурак», которая дошла до нас в тибетском и некоторых других переводах, говорится только о «Хранителе ада». См.: Der Weise und der Thor, t. 1, СПб. (тибетский текст), 1843, с. 293–294.

⁶ Foucher A. Etude sur l'iconographie Buddhique de l'Inde. P., 1905, I, с. 55.

⁷ Getty, p.136.

⁸ Таковы косвенные доказательства, и естественно, что описание совершенного царем преступления искать в официальных документах бесполезно, но в мистическом театре (цам) одна из масок – свирепый людоед с бычьей головой – называется «мачан», тогда как другая, тоже быкоголовая, именуется «святой царь веры». (См.: Waddell L.A. The Buddhism of Tibet or Lamaism. Cambridge, 1934, с. 537.) Мало этого, рога «мачана» загнуты назад, подобно рогам Ямы на статуэтках, тогда как рога «святого царя веры» поставлены вертикально, как рога Ямантаки. Народное предание сохранило то, что старательно затушевывалось официальной историей и теологией.

Теперь встает другой вопрос – какую пользу извлекло правительство Тисрондэцана от своей пропаганды. Чтобы разобраться в этом, нам надлежит учесть своеобразие буддийской логики, не похожей ни на какую другую. В самом деле, Мажан был в предыдущем перерождении жертвой несправедливости, разбоя, убийства и потому озлобился, но, озлобившись, хотя и не по своей вине, он стал вреден, и потому гибель его оказывалась следствием кармы, причинной последовательности, а не злой воли царя, который совершил свой поступок, лишь жалея своих подданных. Да и Мажан не пострадал, так как теперь в аду наказывает грешников, дабы исправить их, и поэтому тоже заслуживает поклонения. Для народа было придумано, что Мажан слышал божественный голос, приказывающий войти в гробницу для счастья царя и страны. Когда же он вошел, то дверь сама замкнулась, и он остался под землей.⁹ Сомнительно, чтобы тибетские массы и особенно сторонники Мажана всему этому поверили, но диктатура, установленная Тисрондэцаном, была достаточно прочна для того, чтобы держать большинство населения в полном подчинении и обеспечить пропаганду буддизма. Однако успех пропаганды, несмотря на огромную деятельность, развитую переводчиками священных книг, был весьма относителен, так как подавляющая масса населения была неграмотна, а внедрение грамотности при почти постоянных войнах чрезвычайно затруднительно. Для того чтобы подействовать на воображение народа, нужно было найти средство быстро и наглядно доводить идеи до воспринимающего субъекта, причем следовало также соблюдать известную точность, дабы не исказить «закон».

⁹ Roerich G.N. The Blue Annals. Calcutta, 1949.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.